

РУССКИЙ ПАТРИОТ

3-e année
No 12 (25)
(NOUVELLE SERIE)

(LE PATRIOTE RUSSE)

Prix 5 frs.

Organe de l'Union des Patriotes Russes en France paru en clandestinité

4, rue de Galliera Paris 16.

— 13 JANVIER 1945 —

Tel.: KLE 94 - 20, 21, 22

От Союза Русских Патриотов

17-го декабря 1944 года выборами постоянного правления закончился организационный период Союза Русских Патриотов.

С. Р. П. призывает к самому широкому сотрудничеству всех русских за рубежом, которые считают, что нынешние пути Советского Союза являются национальными путями России и ведут к осуществлению ее исторической миссии среди народов. Преклоняясь не только перед мощью и величием, выявленными Советским Союзом на войне, но и перед правдой, которую он несет, мы зовем всех русских за рубежом связать свою судьбу с судьбой нашей родины и принять участие в совместной работе.

НАШЕ ДѢЛО

В русском зарубежье принимаются многочисленные резолюции о признании советской власти. О признании безоговорочном или с оговорками.

Следует уточнить понятия.

Ни в каком признании советская власть не нуждается. Она давно признана всем миром и, в частности, самой эмиграцией. Никто не отказывает ей в праве не только именоваться, но и быть властью русской и национальной. Споры между отдельными группировками основаны на недоразумении.

Перед русским зарубежьем стоит вопрос не о признании власти, но о признании строя. Советского строя.

Как признавать? С оговорками или без оговорок?

С одной стороны, и совершенно правильно, указывают, что оговорки, каковы бы они ни были по существу, неприемлемы уже потому, что сразу вносят противоположение, разделение на «нас» и «их». Такому признанию — грош цена. Однако, с основанием указывают и с другой стороны, что принимать что либо без оговорок, значит не принять ничего. Ибо безоговорочное признание означает признание только данного исторического момента, т. е. отрицание самой возможности живого роста и развития того, что принимаешь.

Итак, вопрос следует поставить с возможно большей ясностью:

Речь идет не о безоговорочном или оговорочном признании советского строя, речь идет о полноте этого признания. Все прочее — от лукавого.

Мы стоим на почве полного признания, со всеми возможными выводами. Мы признаем власть и строй так, как признает их весь русский народ, на деле доказавший всю полноту такого признания.

Это не просто сотрудничество «отсюда и досюда», даже не слияние, но сама жизнь. Все растет, — растет народ, растет власть, растет строй.

Рост есть развитие, где есть развитие — нет безоговорочности.

Полнота признания дает не только обя-

занности, но и права. Главнейшее из прав — принимать участие в общем росте и творчестве.

Нам не зачем говорить о патриотизме русского зарубежья.

Оторванные на много лет от своей родины, люди не порвали духовной связи с нею, не погнались за щедрыми обещаниями врага, пошли на жертвы и лишения за право быть и называться русскими.

Мы знаем, что среди тех, кто не с нами или еще не с нами, — не мало мужественных, честных и патриотически настроенных людей.

Но есть патриотизм — и патриотизм.

Патриотизм бездейственный, созерцательный — нас не прельщает.

Мы стоим за патриотизм деятельный. Мы ни в чем не желаем противопоставлять себя своему народу.

Старая истина говорит, что война — экзамен власти. Эта война — самый страшный экзамен для всего, что есть, было и будет в России. Она показала, что советская власть и народ — неделимы. Если так, то нелепо отрицать советский строй, т. е. ту государственную форму, которая срастила народ и власть воедино, срастила так, как никогда еще в русской истории сращены они не были.

Нам хочется сказать колеблющимся: идите с нами. Мы долго были вместе, нам жалко расставаться с вами.

Мы никого не отмечаем от себя, но ни для кого не свернем с избранной дороги.

Мы не берем никаких монополий, в частности — монополии на патриотизм, но мы не признаем этого преимущества и за другими.

Жеребковщина нам отвратительна; мы будем бороться с ней всегда и везде, откуда бы и в каком бы виде она ни выплзала, потому что всегда и всюду от нее исходит смрад предательства.

Мы ни у кого не вынуждаем покаяния, и сами отрекаемся не от всего, ибо даже за всеми нашими ошибками всегда была одна цель, она осталась неизменной: наша Родина и ее Правда.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

После страшных событий последних лет, когда в кровавом испытании наша родина изумила мир мощью и величием своего духа, трудно «праздновать» двадцатипятилетний юбилей своего изгнания. Но отметить его надо. Отметим же его. Сделаем свои заключения и выводы. Воспользуемся тем, что размах и грандиозность происходящего позволяют нам многое забыть, и подойдем сразу к итогам.

25 лет. Русские представлены на всех ступенях европейского общества. Четверть века, во всех уголках мира льется звучная русская речь, растут русские дети...

Русские остались русскими и наперекор всем сохранили свой язык, веру, нравы, обычаи... сохранили свою ничему не поддающуюся русскость. Если принять во внимание беспощенность русской эмиграции, оторванность от народных источников, то это во всяком случае доказывает нашу живучесть и это отметит историк.

25 лет тоски по далекой родине и вот, наконец, строю, виновнику всех унижений, о котором прочитаны горы книг, журналов, газет и... ни одного хорошего слова — грозит гибель. Победоносная германская армия катится к Волге, к Каспийскому морю. Открывается путь к родным местам. Сыплются

заманчивые предложения. Рисуются «блестящие» перспективы... В русских сердцах в Берлине, Брюсселе, Париже, Ницце, под звуки торжествующей немецкой музыки, происходит нечто странное, неожиданное...

Вспыхивает с новой силой большая неподкупная любовь к своей родине.

Эмиграция, 25 лет ждавшая свержения советской власти, в большинстве своем признала эту власть — властью народной и уйдя в подполье, саботажем и пропагандой ответила немцам захватчикам.

Это явление во всяком случае отрадное.

25 лет. Четверть века. Сотни тысяч русских людей, разбросанных по всему миру, изучивших общественную жизнь каждой страны лучше самих туземцев, сумевших приспособиться к самым невероятным условиям, доказавших свою жизнеспособность, оставшихся русскими и взрастивших своих детей русскими патриотами, являются в целом исторической ценностью.

Объединить эту массу честных русских патриотов в ее любви к родине, присоединить к ней новых патриотов. Изучить с нею то гигантское, что произошло у нас в наше отсутствие. Не дать заглухнуть порыву. Сохранить эту массу для служения нашей родине — в этом долг каждого русского патриота.

Павел Быстров.

ЗА НЕДЕЛЮ

Президент Рузвельт дважды обратился к конгрессу С. Ш. А. В своем первом послании он восстал против «враждебных слухов, направленных против русских и англичан и наносящих следы германского происхождения». Президент указал, что С. Ш. А. будут всем своим влиянием содействовать осуществлению принципов атлантической хартии и установлению свободно избранных правительств в освобожденных странах. В заключение он выразил надежду на торжество права над фашистским террором и в Европе и в Азии еще в 1945 году.

Относительно дальневосточных дел английская печать отметила факт, оставшийся почти незамеченным на континенте: советское правительство отказало в визе некоторым японским дипломатам, вынужденным покинуть Анкару вследствие разрыва дипломатических отношений между Турцией и Японией. Эти дипломаты, таким образом лишены возможности выехать из Турции, будут там, вероятно, интернированы.

В Греции продолжается гражданская

война, вызывающая все большее недоумение в английской печати. К этому прибавились осложнения относительно Югославии. Соглашения, которого добивается британское правительство между королем Петром, лондонским правительством, Субачича и маршалом Тито, пока еще не достигнуто.

Король не соглашается на создание регентского совета, видя в этом первый шаг к упразднению монархии. На Балканах же, как отмечает «Ле - Монд», растет количество сторонников большой федерации, обнимающей все южно-славянские народы, включая болгар, и ориентирующейся на Советский Союз. «Но это решение возможно лишь при условии низложения местных династий».

Президиум центрального совета советских профсоюзов ратифицировал соглашение с французскими профсоюзами, предусматривающее усиление работы на войну обоих народов, обмен производственным опытом и выработку общей позиции французской и советской общественности в вопросах будущего мира и санкций против германского агрессора.

Афанасий Иванович БЕДРИК

скоропостижно скончался 5 января и погребен на кладбище в Put-aux-s/s.
о чем извещают братья.
В воскресенье, 14-го января, в 12 ч. 15 м. будет отслужена панихида в русском храме в Asnières.

ОБЗОР ПЕЧАТИ

МЕЖДУ СОЮЗНИКАМИ

В своем послании к конгрессу президент Рузвельт указал на наличие расхождений, которые необходимо устранить.

«Чем более мы приближаемся к победе, — сказал он, — тем более мы знаем различия, существующие между победителями. Мы не должны разделяться, мы должны искать наиболее важные, общие и постоянные интересы, чтобы выиграть войну и построить мир».

Этим вопросам интересную статью посвящает Пертинакс в «Ла Батай».

«Статья лондонского «Экономиста» об англо-американских отношениях имела в Америке громадный отклик. Можно следующим образом формулировать вывод: не будем ставить только на одну американскую карту, наша будущая безопасность не должна зависеть исключительно от системы союзов, обусловленной участием Соединенных Штатов».

Таков тезис «Экономиста». Он не нов, Уинстон Черчилль и Антони Иден уже имели его в виду, когда в мае 1942 года подписали 20-летний договор с Россией. Надо ли добавлять, что подобная мысль заметна и с русской стороны?...

«Ее подкрепляют следующие аргументы. Многие американцы теперь сомневаются в том, чтобы Совет Безопасности — центральный орган системы международного мира, выработанной в Дембартон-Оаке прошлым летом, — мог выполнить свое назначение, посредством быстрого автоматического действия, решение о котором выносятся представителями четырех полномочных великих держав. Эти американцы приходят к выводу, что завтрашний мир не будет управляться исключительно Атлантической Хартией, так же, как мир прошлый не управлялся исключительно 14-ю пунктами января 1918 года».

«...Пока Рузвельт у власти, движения американского общественного мнения, противные Англии, находятся под надзором и сдерживаются. Президент убежден в том, что мир мира зависит от союза С. Штатов, Англии и России. Он сумеет принести этому союзу необходимые жертвы. Но не есть ли Рузвельт в американской истории явление исключительное, случайный эпизод?».

«Решение вопроса, учитывающее возможность периодических отступлений Америки перед риском немедленного действия, необходимого для обеспечения мира, следует искать, — заключает Пертинакс, — в повторном и более подробном рассмотрении предложений, выработанных в Дембартон-Оаке. Там был установлен принцип, что четыре великие державы — Англия, С. Штаты, Россия и Франция — могут действовать против всякой угрозы миру лишь в случае их единогласия. Нельзя ли было бы ввести некоторую корректуру, устанавливающую, что относительно Европы, единство Англии, Франции и России достаточно для применения санкций?.. Но добиться принятия этого дуализма нашими американскими друзьями не так-то просто».

Тем временем американская печать отмечает дальнейшее сближение Англии с Советским Союзом:

«Не имея безусловной поддержки С. Штатов и не будучи в состоянии добиться этой поддержки, — пишет «Вашингтон Пост», — Великобритания не могла противиться русским требованиям касательно Восточной Европы и должна была сговориться с Россией».

Английские газеты, действительно, продолжают высказывать недовольство неясно-

стью американской позиции перед вопросом послевоенного времени.

«Взгляды, высказанные «Экономистом», — пишет лейбористская «Трибюн», орган Бивена, — разделяются большинством британского народа. Мы устали от «высказываний» некоторых американских комментаторов, не говоря уже об официальных заявлениях американского правительства. Если американская политика мировой безопасности после войны призвана развиться, то пора бы американским публицистам стать более снисходительными по отношению к тем странам, которые уже старались принять полную ответственность перед другими нациями».

«Нью-Йорк Геральд Трибюн» лучшим способом к преодолению этих затруднений считает встречу «трех великих»:

«Задачей этой встречи было бы выработать более практические принципы и соглашения, как основу военного сотрудничества в переходный период... Встреча «трех великих» весьма желательна».

Как сообщает «Сандей Таймс», «в числе наиболее деликатных вопросов, подлежащих обсуждению (при этой встрече) находятся русско-польские отношения, положение в Югославии, в Италии и в Греции, а также вопрос отношения с Венгрией... В числе экономических проблем, также представляющих трудности, следует упомянуть вопрос о нефтеносных землях Ирана и, может быть, Саудитской Аравии».

Относительно Польши отметим статью «Правды», известную нам, к сожалению, пока лишь по агентским телеграммам.

«Правда» отмечает быстрое восстановление хозяйства освобожденной части Польши (так, например, производство бензина достигло 75-ти процентов довоенного уровня). Аграрная реформа протекает успешно и без затруднений. Польское временное правительство, как отмечает «Правда», представляет собой коалицию четырех политических партий, ранее представленных в люблинском комитете. Это правительство является гарантией дружеских отношений к Польше с Сов. Союзом и западными демократиями. В заключение, «Правда» подчеркивает, что лишь в тесном сотрудничестве с Советским Союзом, с С. Штатами и с Великобританией возможно восстановление Польши».

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

«Нейе Цюрихер Цейтунг» останавливается на религиозном мире в Советском Союзе.

«Мы знаем, — пишет швейцарская газета, — что патриарху Сергию удалось восстановить мир между советским правительством и русской православной церковью. Невозможно не верить патриарху Сергию, когда он заявляет в книге «Правда о религии в России», что богослужение не встречает никаких препятствий. Из Москвы сообщают о том, что многие московские священники, помогавшие обороне Москвы в октябре 1941 года, ныне награждаются орденами. А через Швецию получены известия из оккупированной Красной Армией Венгрии, что протестантские пасторы и профессора, оставшиеся там со своими семьями, пользуются полной защитой советских военных властей».

Как сообщает парижский «Ле Монд» из Москвы, рождественские богослужения в советской столице привлекали многие тысячи людей, в том числе многочисленных офицеров Красной Армии.

На фронтах

3 А НЕДЕЛЮ

На русском фронте:

На прошлой неделе началась операция немцев, имеющая целью прорвать линию осады Будапешта, поддержать обреченный на уничтожение гарнизон и дать ему возможность вырваться из разрушенного города. По сведениям из Москвы, операция эта развивается в двух направлениях: одно — непосредственно вдоль правого берега Дуная (на Эштергом), и другое — несколько южнее, в направлении г. Бичке, в 30 км. к западу от Будапешта. Немцы двинули мощные колонны танков, поддерживая их продвижение усиленными воздушными атаками.

Все усилия немцев в районе Бичке, несмотря на тяжелые потери, не дали благоприятных результатов и движение этой колонны к Будапешту разбивается об упорную оборону частей марш. Толбухина. Движение другой колонны — вдоль правого берега Дуная — имело по началу некоторый успех. Советскому командованию пришлось спешно направить сюда несколько блиндированных дивизий и даже уступить немцам Эштергом, но, по последним сведениям, и здесь движение или сильно замедленно, или даже и вовсе остановлено.

Дело в том, что севернее Эштергома по противоположному, левому берегу Дуная, параллельно, но в обратном направлении, продвинулись до Комарно части марш. Малиновского. Занятие этого стратегически важного пункта и дальнейшее продвижение колонны на Братиславу явилось бы чрезвычайно серьезной угрозой тылу немецких войск, отправленных на выручку будапештского гарнизона.

Контр-маневры немцев в направлении Будапешта, не препятствуют сколько-нибудь заметно частям Красной армии продолжать намеченное ими наступление на Вену, как через Словакию, так и через южную Венгрию.

Водоушеваемый сведениями о приближающейся выручке, гарнизон Будапешта делает отчаянные попытки прорваться к ней навстречу. Крайняя усталость, однако, успеха не имеют, — и город агонизирует. Бойцы Красной армии, в жарких боях, продолжают брать улицу за улицей, квартал за кварталом: они дошли уже до квартала, где помещается венгерский пар-

ламент, и заняли его, равно как и набережные на Дунае, в Пеште.

На западном фронте:

В течение истекшей недели немцы пытались наступать в различных пунктах фронта: в бельгийских Арденнах, в Люксембурге, в Лотарингии и в Эльзасе. Несмотря на отчаянные усилия, немцам не только нигде не удалось добиться значительного успеха, но в некоторых пунктах (в Арденнах особенно) немецкие части попали в чрезвычайно затруднительное и опасное положение, и дабы не быть окруженными, должны начать отступление. Немецкое радиосообщение от 10 января гласит: «перекресток дорог у Сент-Юбера, самый западный пункт нашего продвижения в Арденнах, оставлен нашими частями, вследствие сильного давления противника». За истекшую неделю войска ген. Монтегомери продвинулись вперед вдоль всего фронта в Бельгии и Люксембурге и заставили немцев начать отступление.

Одно время Эльзас находился под угрозой охвата — с севера, со стороны Гамбегейма на Рейне, где немцам удалось захватить небольшое пространство, и с юга, со стороны Виттернгейма и Фризенгейма (недалеко от Кольмара и Селестата). У этих мест, защищаемых французами, идут ожесточенные бои. Здесь немцам удалось за последние дни несколько расширить занятую ими зону.

Совершенно исключительную роль в операциях последних дней играет союзная авиация. 6 декабря 5000 бомбовозов сбросило более 10.000 тонн бомб на немецкие прифронтовые города, служащие базами снабжения. Ежедневно сообщается о рейдах тысяч тяжелых бомбардировщиков на железнодорожные узлы в районе Гамма-Раштадта, на Кельн, Кобленц, Мюнхен и друг. важные тыловые пункты теперешнего наступления немцев.

Необходимо также отметить большой успех союзников в Тихом океане, где они только что произвели высадку на о. Люсок, на Филиппинах. Японцы за последнее время теряют здесь позицию за позицией. Кроме того, союзная авиация уже несколько раз поддержала японские острова жестокой бомбардировке.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

(ТРИ ЭТАПА ЗАРУБЕЖНОГО СОЗНАНИЯ)

По потрясенной мостовой.

Монументальное творчество не просто творит, оно еще и потрясает, разрушает.

Медный Конь — не застывшая волна истории, это шквал революции.

Вся Россия давно ждала революции, но огромной части ее казалось, что для этого достаточно уничтожить старое содержание. Это и сделано было в феврале.

Прекрасное здание, потрясенное и обветшалое, осталось пустым. За новое содержание мы склонны были принять временные подпорки, с трудом поддерживавшие своды.

Удалясь в изгнание, мы видели только эту полусуществующую форму. Незаметно для самих себя, мы четверть века сторожили пустое место... Это — первый этап нашего зарубежного сознания. Все эти четверть века мы стояли в стороне от всего, что творилось там. Мы могли догадываться, судить и гадать, но появились новые общественные группировки, новые идеологические течения.

Евразийцы, не смущаясь временным как бы небытием Российского государства, пока зали огромные пространства его в необычном освещении. Был, если не раскрыт, то для многих открыт огромный мир, самодовольный, органически спаянный в самом себе. Социализм в одной стране перестал ка-

Мы давно отвратились от старого содержания, наполнившего российскую государственность, но нас мучительно пленяла красота ее внешних форм.

Великая империя медленно умирала, но красота была еще с нею. Длинная тень Медного Всадника величаво прикрывала трещины и обвалы, незамеченные неискушенным взором.

Где-то, в тумане истории, реяли еще грозные российские орлы, размахисто носились над вершинами Шинки. Нам казалось, что во временном молчании мы различаем еще плеск дунайских волн, слышим гром чешенских орудий.

Мы привыкли мыслить Россию не иначе, как в образе Медного Гиганта, стерегущего свою Неву. Взыбленный конь был символом, но мы плохо проникали в его смысл. Русская история не умерла, не замерзла неподвижно над бездной. Пушкин первый понял это.

В минуту тяжелых испытаний конь ерывается со своей скалы и мчится вперед.

Тяжело-звонкое скаканье

По потрясенной мостовой...

Мы лишь краем нашего сознания остановились на динамичности петровского образа и совсем не заметили своеобразия этого вечного скаканья.

Ветер не возвращается

Бесхитростный обыватель склонен, в сущности, рассуждать с большой хитростью.

К примеру так:

— Господа! В Красной Армии восстанавлены уже все чины и звания. На плечах героев красуются золотые погоны, пышные ордена расцвечивают их грудь. Восстановлен культ императора Петра. Князь Александр Невский, князь Дмитрий Донской, князь Суворов, князь Кутузов... Все как и прежде, все, как прежде... Еще немного, и на Невском проспекте появится молодцеватый городовой, строго посмотрит направо и налево, — и потянет в полицейский участок расстрелянного еврейчика, «нарушившего» черту оседлости...

Скажем же со всей ясностью тем, кто тайне надеется на это.

— Не обольщайтесь, господа. Дело обстоит несколько иначе. Реставрации нет и не будет. Горе народу, который бы обратил свою историю вспять. И нет в мире силы, которая могла бы остановить наш народ, вышедший на ослепительную дорогу своего исторического призвания.

Наша родина называется — СССР — огромный дом свободных народов, где все — дети одной матери, творцы новой жизни для себя и для будущих поколений, для всего человечества, ибо правда — общечеловечна. СССР не противопоставит России, но это не просто Россия. Это больше, чем просто Россия.

Что же такое все эти чины, ордена, медали и кантики.

Ответ незамысловат:

Воинская целесообразность. Это возможно и необходимо не потому, что возможен возврат, но потому, что возврат невозможен. Это было не нужно, пока была опасность что-то спутать; ныне же никто на нашей родине ничего уже не спутает, и потому все целесообразное приемлемо и желательное.

Люди идут на смерть не для того, чтобы заработать орден, но орден к лицу герою, заслужен им. Не военный портной бросает наши армии на неприступные твердыни Карпат или на страшный железобетон Пруссии, но долг, но та любовь, выше которой в мире ничего нет, но та правда, носительницей которой является Красная Армия и ее вожди. Сегодня в Советском

Союзе распутаны все концы, все приведено в ясность, и ничто не страшно, даже княжеские титулы.

За княжеством Суворова видят не угнетение бесправных, но кровную связь гения со своим народом, и — да здравствует князь Италийский, наша слава, наша немеркнущая доблесть.

Но что делать с теми, которые все еще сидят где-то в щелях и с опаской выглядывают на свет Божий, в надежде полатиться на народный счет.

Пусть их остаются там, где сидят. Их да же не станут разыскивать, потому что их основательно забыли.

Ведь есть два рода памяти. Одна обращена назад, к прошлому, другая направлена вперед, к будущему. Весь русский народ рванулся вперед, — у него нет ни времени, ни охоты заниматься трупам.

Но и трупы бывают разные. Мы видели целые горы трупов сначала на немецких, потом на советских экранах. Обледенелые, засыпанные снегом, с раздетыми по лицу волосами... У многих не осталось даже матерей, чтобы оплакать их, ведь тысячи и тысячи этих матерей были замучены, перешагивали, перебиты, угнаны в рабство именно теми, чья память направлена вспять, к первобытным временам насилия и сверхчеловеческой жестокости.

Миллионы этих русских трупов — страшный залог того, что наша история назад не пойдет. Идея любви и свободы выше, чем идея смерти.

Незнаемому еще в мировой истории разорению и опустошению русский народ противопоставил столь же неизвестное еще творчество. Да, тут дело не в погонах или кантиках. Деревья не закроют леса. Ветер не возвращается на круги своя. Ни в большом, ни в малом.

Ветер дует вперед.

Валериус.

Во вторник, 16-го января, в подгородной день кончины артиста

Александра Семеновича Полонского

в 10 ч. утра в соборе на рю Дарю будет отслужена заупокойная литургия о чем извещает жена Н. Полонская.

СЛАВЯНСКОЕ РЕШЕНИЕ

Судьбы всего славянского мира близятся к окончательному решению. За последние дни, это подчеркнули проникшие в печать отголоски переговоров, связанных с заключением франко-советского союза. И в самом деле, за годы войны сломлено не только наступление Титлера на Россию: сломлено наступление германизма на славянство, начавшееся тысячу лет тому назад.

После первой мировой войны избавление славянского мира от вечно тяготеющей над ним угрозы порабощения могло казаться уже осуществленным. Но это был лишь мираж. И все знают теперь, почему: мир, заключенный тогда, мир, игнорировавший Россию, приносивший исконные русские государственные и национальные интересы в жертву случайным «конъюнктурным» соображениям — такой мир не мог создать ничего прочного для славянства (как, впрочем и для Европы).

Кажущееся решение славянского вопроса без России и против России должны были бы придумать немцы, если бы вместо них об этом не позаботились другие. Можно даже утверждать, что исторически тактика германизма всегда в том и заключалась, чтобы разделить судьбы русского народа и западного славянства, противопоставляя друг другу, в частности, Россию и Польшу.

Почти 400 лет тому назад, после того, как Ливонский орден рухнул под ударами Грозного Царя, в перенесенные Ганзейские города так прямо и говорилось: если только две «сарматские» державы, Москва и Польша, столкнутся друг с другом, то «никто не сможет им противостоять в этих краях»: тогда пройдай все обращенные на Восток колонизаторские планы — и военные, немецких рыцарей, и экономические, немецких торговых городов.

Четыреста лет русско-польский спор заставлял себя ждать. И чем больше пыталась Польша колонизировать прилегавшие к ней русские земли, тем больше ослабляла она свою западную границу. Занятые вечно непокорной Украиной и планами захвата Москвы, польские Ваза спокойно и даже благожелательно смотрели на усиление своих немецких вассалов — герцогов прусских, на германизацию Данцига, на проникновение германских элементов в Великую Польшу. Однако, ни в XVI-м, ни в XVII-м ве-

ке Речь Посполитая не смогла переварить юго-западную Русь: при Богдане Хмельницком этническая польско-русская граница проходила почти в точности все там же, где была она до Батты, там же проходит она и сейчас. Зато под отеческим польским сюзеренитетом выросло, за те же XVI-XVII века, казавшееся безобидным прусское государство, вдруг показавшее когти и скинувшее зависимость от Польши лишь тогда, когда Речь Посполитая едва не погибла в анархии и во внешних разгромах, последовавших за отпадением Украины.

Позже, в XVIII и XIX вв., все дипломатическое искусство прусских королей было направлено на то, чтобы не дать замереть русско-польской распри. История разделов Польши есть, в сущности, история дипломатического поединка между Екатериной и Фридрихом Великим, где первая старалась воссоединить с Россией Белоруссию и правобережную Украину, как можно меньше дав немцам пожить за счет чисто-польских земель, — а второй стремился проглотить собственно Польшу под предлогом компенсации Пруссии за «чрезмерное усиление» России. И увя! к желанному успеху Фридриха привели не кабинетные интриги и не прямая угроза присоединиться к врагам России, когда эта последняя оказалась в очень невыгодном положении при одновременной войне с Портой и со Швецией; главным союзником прусского короля оказалась направленная исключительно на Восток «великодержавная» мечта тех польских кругов, которые почти до конца надеялись на союз с Пруссией против России.

Знамять последовавшие исторические грехи России против Польши не придет теперь в голову ни одному русскому. Но одно да будет позволено нам сказать: в александровском Царстве Польском (как никак представлявшем собою вполне автоном-

(Окончание см. на 7-ой стр.).

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ «РУССКОГО ПАТРИОТА»

С настоящего номера, «Русский Патриот» выходит при расширенном и обновленном составе сотрудников. Список сотрудников будет объявлен в одном из ближайших номеров.

заться утоней. Именно на базе евразийства возникло политическое течение младороссов.

Младороссы верно подметили, что советская государственность наполняется новым содержанием, но они слишком обольщены были формами красоты, уже не существующими.

Красота, казалось им, должна быть связана с монархической традицией, — к новому советскому стилю они тщетно старались применить монархический ярлык.

Не надо осуждать их: хорошо ли, плохо ли, но они одни из первых разрушили зарубежные предрассудки.

Течение возвращенцев и оборонцев в значительной своей степени — лишь практический вывод из этих «шатаний мысли».

В первые же дни войны «шататели» поняли, что невозможно впрямь в одну телегу коня и трепетную лань и в огромном большинстве своем пошли сражаться и умирать за далекую советскую родину, навсегда предав забвению все ярлыки и наклейки.

Отметим этот второй этап в зарубежном сознании. Русская жизнь и сама советская государственность, была скрыта от нас густым дымом. Тоскуя об опустевшем прошлом, мы боялись принять неизвестное будущее. Это составляло нашу трагедию. Но если форма может быть без содержания, содержание всегда находит свою форму. Среднее — расплывчато и недолговечно.

Но вот, на русской земле загремели немецкие пушки. Медный Всадник низвергся со своей скалы, и началось новое «потрясение».

Неожиданно оказалось, что содержание давно нашло свою форму, весьма отличную от старой, но не менее прекрасную. Старая форма, напоминает уже видение, новая — вещественна и осязаема.

О Шипках и Шумках мы лишь читали, дунайские волны видели только на гравюрах. Ныне же, — как далеко перевалили наши знамена, как далеко залетели наши орлы за снеженные их вершины. Как громко, на яву, плещут дунайские воды. Мы воочию видим «сияние этих шапок медных, насквозь простреленных в бою» — не беда, что сделаны они не из меди, а из простой овчины...

Россия предстает перед нами в новом виде, в виде огромного и прекрасного синтеза.

Грохот, который мы принимали за обвал привычных форм, оказался грохотом новой стройки. Не обвал, а созидание. Время Петра воскресло, скрестилось со временем советского делания и породило то, что ныне поражает весь мир. Мир восхищается и... склонен молчать. Это неважно. Новое содержание захлестывает всех, оно очевидно и непререкаемо. Каждый пограничный европейский столб, каждый камень, вывороченный проходящим танком, кричат о русской славе. Как долго мы были уязвлены. Века и века мы совершали великие дела и подвиги, — никто не хотел их признать. И вот — оно наступило, время нашего признания. Понадобилась великая революция, со всеми ее потрясениями, чтобы нас увидели, наконец, во весь рост.

Не будем подсчитывать русских флагов над входами в европейские полицейские участки, не в них дело. Дело в том, что даже те, кто молчат, — кричат молчаливым своим.

Не одни подвиги русские оглушают друзей и врагов, но русское обновление. Не простую справедливость разносит по миру русские пытки, а правду. Мы предчувствуем уже не простое раскрепощение труда, а духовное раскрепощение самого человека. Русская вселенская миссия близится к завершению. Это страшно. Закрой глаза, неверный Фома, и вложи персты свои в кровавые раны...

Мы — дети России. Мы те, кто не просто мечтает о создании форм, но кто верит и в новое их содержание. За четверть века мы успели стать реалистами. Романтика прекрасна, но на одной романтике далеко не укачешь. Мы видим наш народ таким, каков он есть и должен быть: тружеником не для стяжания, а для раздачи, свободным и в труде своем и в духе. Много грехов простится покойному Павлу Николаевичу Милокову за предсмертную его статью. Низкий поклон Н. А. Бердяеву за речь его о русской и германской идее.

Историк отметил величие факта, мыслитель осветил духовную его глубину. Отныне — они с нами, мертвый и живой, — пусть лишь отчасти, пускай лишь одной стороной, — но они с нами.

Здесь начинается третий и последний этап.

Мы не просто подхвачены волной народ-

ной гордости. Мы прошли суровую школу, за нами уже наш собственный опыт.

Наш восторг в какой-то мере охлажден творческим расчетом, мы хотим оставаться трезвыми даже в ликовании. Наша задача не в получении, а во взаимном сплочении. Мы ищем друзей.

Для нас нет одиозных имен, но есть одиозная совесть. За кровавыми днями войны встает уже страшный день всеобщего мира, — надо готовиться к нему. Каждая капля чернил на мирном договоре может зажечься солнцем или свернуться кровью. Каждый честный порыв, каждый дружеский жест может тяжело лечь на ту или иную чашку весов. Перестанем быть посторонними, история пишется надолго. Перестанем шептать в злобной дрожи: «добро, стриптизер чудотворный». За нас говорит не только наше чувство, наше достоинство, но и вся русская история.

Горе бедному безумцу, ничего не понявшему.

Бежит и слышит за собой, —
Как будто грома громыканье, —
Тяжело-звонкое скаканье.
По потрясенной мостовой.
И озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко скачущем коне...

Не всем дано мыслить, как Пушкин, но чувствовать, как он, — обязан каждый, в ком бьется русское сердце.

В. Корвин-Пиотровский.

ПТИЦА

Локомотив, стремящийся в столицу от черных волн, от крымских рыбаков, встречает на пути железном плечу с глазами станционных фонарей.

Она, как все пернатые творенья, во сне стоит, скрыв два своих крыла, имея крыши вместо оперенья, и вдоль одной — название Ораа.

Орел обычно точка на вершине, и, точно, этот город — на холме. Блестит зерно на мельничной машине — Орел готовит — свежий корм к зиме.

Пусть русских зерен золотая жила сиянием струится к птице той:

она немало силы положила, чтоб заслужить подарок золотой.

Куски Ораа вазелины вывез, пылая, стал каждый дом личной скорлупой. Когда-то в этом городе была я, в голодный год посевав за крупой...

Стоит, как прежде, птица над рекою. К воде она недаром подошла: доносит к Волге длинную рукою Ока — большую воду от Ораа.

И та вода идет до Сталинграда — (есть в мире справедливость иногда) — так льется с ветки к корню, как на дождь — почве возвращенная вода.

Анна Присманова.

Встреча

«Асфальт и герани... красивые, бледно-розовые на чистеньких клумбах... на Украине такие на широких, битой глины «приблочки»... по деревьям... Цветы на асфальте... последний отклик полей... какие, впрочем, поля в Сан-Мартине... больше асфальта чем полей... Мишу бьет по асфальту ножкой, кричит: «салют», когда летят авионы... по-русски «тревога», кажется... Мишу никогда не скажет — тревога... добры вечер, папа, говорит... пать... не забыть бы пять поручений Жанины... как она кричала, когда я ей лож под сердце подвинул... как ей понять такое...

Кричала не Жанина. Кричала, истонно визжала свинья Мама, кося белесые, проснувшиеся от ужаса, глаза на страшные приготовления для страшного дела. Дело было, впрочем, простое, житейское. Господин Жан заколот вчера свинью для засола на зиму и для «черного рынка». Миллиону нужны ботинки — раз, Жанине — меховая шубка — два, и прочее, и прочее.

В дороге делать нечего. С игрушечного вокзала в темноватый вагон, а там сиди и жди пока попадешь в нужную тебе точку. Дремать можно, престоловцы респать, позевывать, скользить взглядом по мелькающим в окна видениям...

Мысли текут лениво. Вот соседка даже рот раскрыла задумавшись и вздыхает по временам. Оттого и господину Жану можно побить Иваном Николаевичем, студентом с философией или юнкером с благими порывами. Господин Жан тоже не исчезает, конечно. Красная полоска летнего загара на лбу, слишком грубые руки, костюм деревенского конфекциона — но есть остатки военной выправки и искал мечтательность взгляда.

«Да и мне, собственно, как понять такое. Вчера — Маленькая дорогая, а сегодня на крике подвешена... даже глядеть страшно... это жизнь, как говорится... ах, жалко Ма-

ша, что жизнь не наша... философствуешь, а поручения забываешь...

...Хорошо, если с этим Кривцовым дело слажу — а если нет... Мама ждать не может».

Поезд бежит (бег неважный, едва ли сорок в час), вагоны скрежещут на поворотах, по стеклам бегут, нарастают, исчезают мгновенно капли дождя. Рыжие поля, неожиданная зелень огородов, игрушечные, сменные домики.

Вскоре, однако — мимолетные провалы туннелей, изъезженные проказой стены, широкая паутинка путей на унылой мокрети.

Белый пар клубится в тяжелом небе, редкие ключи задерживаются, растекаются под черной сожженной сажой крышей.

Визг, сиренет. Приехали.

Посиди вокзал, господин Жан облегченно вздыхает. Подобраться, забыть, расправить неуклюжесть движений, дельце обделать, окунуться в дела. Просыпаются также мысли Ивана Николаевича. В кафе-ресторане, где назначено свидание, есть русская водка. Встряхнуться немного, чего там...

Предвидится легкий туман, приятное настроение, новые деньги, случайности жизни.

Потом — потом, отчего же, можно вернуться и с утреним поездом...

Господин Жан бодро переходит широкую площадь в установленном месте. Он рад концу короткого путешествия.

«Отчего только, в кафе с музыкой. Тоже выдумал. Машинным телом торговать под звуки веселого вальса... Узнать его надо — маленький, серое пальто, русая борода, будет русскую газету в руках держать».

В Сан-Мартине же газет не читают. Мир сотрывается, а Ивану Николаевичу полагаются в навозе коня... Конечно, Жанина, Мишу, своя земля, но все же... День за днем, а выходит пелая жизнь... зацепиться не за что... то ли вышнее счастье, то ли туман какой-то...

Аперитив перет завтраком — отклекает от неожиданных мыслей. Публики в кафе

еще мало. Оркестр на возвышении тихо пикирует, настраивается. За столиками торчат одиноко ожидающие девицы.

Зал оживает все же. Замелькали белые пятнышки салфеток на сереньких столиках. Господину Жану очень захотелось продать Машинки останки.

«Мама не может ждать... Отчего он не идет, право...»

Вертелась входная дверь, мелькали серые пальто, серые шляпы, а русой бородки Кривцова все не было.

Кривцов подошел как-то сбоку, помахивая русской газетой.

«Какое же, свидание с вами... вы... Да, да, простите... узнал бы и без газетки...»

«Разрешите представиться...»

«Узнать не трудно... борода русая, а кто теперь носит бородки... глаза рыжие, рыбки глаза, ну вот и неспирит...»

Присаживайтесь — для начала российской...

О Мама сначала неслась — о Мама после третьей рюмки. О политике тоже скажешь. Ну, там о погоде...

«Росту от маленького, и какое мне дело до его роста... а глаза рыжие... тусклые, немного на выкате, ну, и рыбки...»

Поговорить можно о российском прошлом. Безобидно и тема неперспективная.

«Вы ведь, кажется, тоже...»

«В Новгородском... в гражданскую билась в Новгородских стенах... под Одессой рука прострелена...»

«И какого чорта он об Одессе вспоминал... Ветер, ледяной ветер... Жанина никогда поить не могла...»

«Да, были, были дела... Так вот о деле...»

Отчего же, Иван Николаевич можно и о деле. А водка у них вкусная, удивительно даже.

Соседка улыбается — нравится широкий русский размах.

«Русские... барин... водка... не приглашите ли завтракать?»

«Нет, мадамочки, мы должны оставаться».

котором, среди рассказов о подвигах и музыкальных выступлениях, благородный ярд Эдмунд вел переговоры с русским князем. Но даже влияние влиятельных паров не мешало Ярославу обдумывать каждое свое слово.

Диалог настолько реалистичен, что не только представляешь себе хромоногую хитреца и молодого искателя приключений, но и всю обстановку пир. В зале сияли прекрасные и, может быть, заплаканные глаза Ингигерды. Ходили слухи, что она была влюблена в Олафа Святого. Как на чужбине, пахло перемороженным медом. Пылали смоляные факелы. Звенели струны скандинавских арф и славянских гуселей. Но два человека вели деловой разговор.

Нас не должна коробить передача этого разговора на современном русский язык. Это не перевод с древне-русского языка, а с исландского наречия и через латынь XIV века. Северный поэт как бы сам служит для нас переводчиком. Ярослав, столько лет проведший в Новгороде, где было множество варягов и одна из улиц называлась Варяжской, должен был владеть скандинавскими диалектами.

Ярл обратился к конунгу и сказал: — Мы просимся быть защитниками твоих владений.

— Мы нуждаемся в вашей дружине и распорядительности, — осторожно ответил Ярослав, — потому что вы разумные и храбрые мужи, но мне неизвестно, сколько вы потребуете за вашу службу?

— По первым, ты покажешь для нас с Рагнаром и для всех моих людей подходящие помещения и не откажешь нам ни в каком добре из твоих лучших припасов.

— На такое изливение я согласен.

— Тогда мои люди готовы сражаться впереди тебя. Но сверх того ты отпустишь на каждого воина по унции серебра, а начальникам людей еще по полуунии.

Конунг запротестовал:

— Этого мы не можем.

Но Эдмунд ведет себя так, как будто всю жизнь занимался коммерческими операциями, что, вероятно, весьма совпадает с действительностью. Он находит выход из положения:

— Можешь! Ибо вместо этой платы мы согласны принять меха бобров и соболов. А если случится война и будет добыча, ты заплатишь нам пеннизами...

Ярослав обдумывал выгодность сделки. Даже в его стране меха представляли большую ценность. Их можно было продать в те далекие мусульманские города, где злые гаремные затворницы кутались в собольи шубки. Но князь имел нужду в наемниках.

Скандинавы вытаскивали свои ляди на берег, чтобы зимовать в Холмграде, как они называли славянский Новгород. Горница, в которой стал жить Эдмунд, была обита красным сукном. Вскоре эти люди пригласили Ярослава в братоубийственной войне со Святополком. Как известно, скандинавы приняли участие в битве под Любечем.

Но сага не помнит ни названия города, ни Днепра. В северной поэме он превратился в условный пейзаж эпической поэзии. Там, где произошла битва, «был большой лес и большая река». Как в шекспировских постановках елизаветинской эпохи вышеназванная сцена доска с надписью «здесь» или «здесь» представляла фантазии зрителей вообразить подходящие данному случаю декорации, так и в саге за этой трагической фразой слушатели видели зеленые рощи, слышали пение соловьев и шум дождя и обоняли запах лесных фиалок. Но сражение описано более подробно, чем в летописи и, само собою разумеется, успех битвы приписан варягам.

Скандинавский сага не находил нужным воспевать мужество новгородских мужиков.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ся один. У нас дела — понимаем — дела. После третьей с закуской поговорить совсем приятно. Все легко выполнимо, все будет закончено к взаимному удовольствию.

За большими витринами мелкий дождь, а в кафе тепло, уютно, гарсоны обслуживают, даже нам напросный приятен.

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Что двадцать на сто сорок — это уже надо с карандашником. Пенсы снять надо. Не угодно ли салату. Как же, как же, в декабре на «Енисее» эвакуировались... Погода была, ах, какая погодка...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

«Рыбки глаза без пенса — невозможно, совершенно невозможно... это не он, не может быть, чтобы он...»

франков, но за то молоко и бифштекс каждый день. А здесь он все кашлял, кашлял, кашлял. Ему скоро десять лет будет. Доктор говорит — выскочит...

Господин Жан прислушивается (вот вы, девочки, о чем разговариваете!), соображает. Продавать Машу или не продавать. Цена выгодная... схватить его сейчас за горло, что ли...

От выпитого алкоголя все в легком тумане и все не очень настоящее.

Слава Богу, что не настоящие.

Ну, какая там Одесса. Здесь Париж, господин Жан Кривцов свинью продает «на черном рынке».

«В больнице на рассвете — какая тоска, не спится... еще темно, с трудом различаешь — все койки, все койки да стены — а пусто... До утра дожидаться все равно, что жизнь второй раз прожить. Все ушло, жизнь ушла, свои ушли — нет исхода... в полусне, в бреду — куда лезешь, не лезешь... в ледяную зеленую воду...»

Росту от маленького, глаза рыбы — запомнить бы, не забыть... искать всюду, всю жизнь искать... за горло его, за горло...»

Дорогой Иван Николаевич, друг, здесь тебе не больница, здесь кафе с музыкой. Жанина дома денег ждет. Пять поручений и игрушки Мишу...

«...Эх, хорошо бы с этой мадамочкой, что покрасивее...»

«Что вы, Иван Николаевич, призадумались?»

Решено, значит — завтра к двенадцати — я у нас с грузовичком. Солома там или seno, чтобы прикрыть у вас найдется?

Семен Никифорович — никакого seno!

Вот сейчас и произойдет. Все будет сейчас по-настоящему. К чорту кафе, к чорту Париж, все к чорту. Остановится музыка, сбегутся гарсоны, схватят господина Жана за руки. Ветер, ледяной ветер...

Много мыслей пронеслось в голове. Кривцов — с улыбкой — счетчик.

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

«Позвольте, Семен Никифорович...

ПАМЯТКА

Сравнительно недавно мы узнали, что год тому назад во время последних военных операций в Крыму убит, пал смертью храбрых, военный корреспондент Евгений Петров.

Неразлучный сотрудник его, Илья Ильф, незадолго до войны умер от туберкулеза...

Так безвременно прервалось это единственное в русской литературе сотрудничество «братьев Голдур».

Творчество этих двух «братьев» было своеобразным явлением не только по признаку коллективности, совсем не свойственным русской литературной традиции.

«Двенадцать стульев», «Золотой теленок» на первый взгляд как будто отказ от этой традиции, мост к литературе европейской, к авантюристскому роману англо-американского типа.

Острота полюбовей, бурная их смена не дают читателю времени опомниться, останавливаться. Внешняя занимательность заставляет «проглатывать» роман, спешить к последней странице.

«Двенадцать стульев» — первый роман — так авторами и создавался. В первые годы революции, в голодной тогда Одессе двое юншей «выдумывали» свой роман. В ночных скитаниях по пустынным улицам

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Среди достойных Чаплина «тагов» пронзает вас вдруг точность психологического наблюдения, знание законов души и мира, острая жалость к бедной человеческой судьбе. Вспомним хотя бы описание смерти Паниковского...

«Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами. В большом мире изобретен дизельмотор, написаны «Мертвые души», совершено передет вокруг света. В маленьком мире изобретен крипичный пузырь «уйди — уйди», написана песенка «крипичики» и построен покров бров фасона «снопряд». И пока в большом мире идет яростная дискуссия об оформлении нового быта, в маленьком мире уже все готово: есть галстук «мечта ударника», «толстовка — гладковка», дамские пробковые подмышники «любоев пчел трудовых».

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров описывали маленький мир, а жили в большом. Думаю, так и понимали, не только юмор положений. Славянская универсальность, человечность, любовь к падшему удивительно сочетались с неистощимой выдумкой типа американских фильмов.

Ильф и Петров о

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Четыре месяца прошло со времени нашего освобождения. И нужно сказать, что в настроениях русских эмигрантов во Франции за эти четыре месяца обнаружилось нечто неладное.

Может быть по человечеству это и очень понятно. Мы пережили нечто подобное освобождению из могилы заживо погребенного... Задохаясь, мы долго прислушивались к звукам, глухо доносившимся извне; ритм жизни определялся тогда стуком лондонского Би-Би-Си и прилив надежды сменялся днями и неделями летаргии: опять ничего нового на фронтах. Чувство почти физической подавленности вызывало почти физическую же потребность ощущать, как «золотое сердце» России мерно бьется в груди мзеей, как родные названия, гремевшие в оперативных сводках Восточного фронта, будят в нас жизнь наших предков, нашу еще не в конце раздавленную жизнь...

Потом эти родные названия сменились именами пограничных немецких станций, румынских и венгерских городов. И почти одновременно пришло наше освобождение.

Сознание русской победы, небывалый восторг быть русским, чувство нашей собственной свободы, словно, опьянили нас. С тех пор для одних стало как бы естественной реакцией — кричать ура без умолку, по всякому поводу и даже вовсе без повода; другие, не менее напряженно переживавшие русскую борьбу и победу, но наделенные иным темпераментом, успокоились на том, что Отечество спасено, и начали постепенно возвращаться в эмигрантский быт. И в обоих случаях люди, ловившие каждое союзное радио, когда за это грозила тюрьма, вовсе бросили слушать военные сводки; горячка, с которой мучительно искали на карте каждую освобожденную русскую станцию, сменилась полным равнодушием ко всяким там Инстербургам, Мишкольцам и невесткам произносимым Секенфегерварам.

А тем временем к миллионам и миллионам русских трупов, уже усеявших все пространство от Волги до Дуная, прибавляются все новые и новые русские трупы; тот же ад, который кипел под Москвой, под Севастополем и под Сталинградом, кипит теперь под Будапештом, и русские войска идут в него с тем же беззаветным героизмом, на который мы смотрели уже, как на историю, в фильме обороны Москвы.

Потому что исход войны, слава Богу, предрешен, но война не кончена.

То, с чем Россия столкнулась в этой небывалой войне, не есть просто иностранный завоеватель, покусившийся на наши просторы. Батый уничтожал население отдельных, сопротивлявшихся ему городов. — у него не было плана систематически, научными методами, уничтожать целые народы, все население намеченных к завоеванию стран. Наполеону, подчиняя побежденные державы французской политической системе и насаждая мировое господство французской культуры — не приходило в голову воспринимать Великую Нацию в «отражении» (от всего не французского и выкорчевывать всякую другую культуру. Но в наши дни случилось неслыханное: в самом центре Европы, работоспособным, широко одаренным, просвещенным 70-миллионным народом, имеющим блестящее культурное прошлое и передовую техническую цивилизацию, словно овладели бесы, внушившие ему, что не только ему все дозволено, но его судьба, его призвание — уничтожить «полулюдей», так или иначе стесняющих его собственное великодушное цветение.

При этом бесы, вселившиеся в германский народ, вовсе не только Гитлеры, Розенберги, Геббельсы и Гиммлеры всех больших и малых калибров. Нечистая сила подстергала Германию очень давно, внедрялась в нее постепенно и гитлеровский гипноз, потому только и стал возможным, что нация готова была в него погрузиться. Не с таким совершенством, как в эту войну, система закабаления и высасывания победленных и вассальных народов, уже начинала функционировать в 1914-18 гг.: все элементы учения о «народе господ», о хищном «белокорме звере», призванном господствовать над вселенной, уже были готовы к концу прошлого столетия; и когда из уст дервишей национал-социализма раздались призывы к уничтожению славянских народов, в нем звучали не только недавние заветы «просвещенного» канцлера Бюлова; на него откликались гораздо более далекие, глубоко засевшие атакизмы народа, с XIII века приемы полного горлом хлебать славянскую кровь, при том с абсолютной уверенностью, без тени сомнения, в своем на то непрерываемом нравственном праве. Когда саксонские миссионеры Генриха Льва гово-

рили, что полабских славян все равно не способных стать христианами, следует не крестить, а уничтожать, или когда меченосцы поголовно вырезали славянское население Гданска (уже христианское в течение многих поколений), они уже возмещали и осуществляли в точности ту самую систему, которую мы видим в «генерал-губернаторстве» и в оккупированном «Остланде», т. е. на нашей русской земле.

Возражают, что зверства знает история любого народа. И это бесспорно. Но системе, отрицающей за другими народами самое право быть «вполне людьми», можно найти лишь в истории германизма и в частности в его отношении к славянству. Даже испанские конкистадоры не отрицали у индейцев души, способной обратиться к истине и спастись.

Только этим глубоким и очень давним вывихом германской народной души можно объяснить странный феномен наших дней: как даже самые культурные немцы, воспитанные на Гете, читавшие Рильке, создававшие (головую) примитивизм национал-социализма, где то, каким то углом своей психики, все же оказывались с ним солидарными, все же млели перед зрелищем германской мощи и вдруг растворялись в «алектрическом вихре» звериного рева и аплодисментов, приветствовавших фюрера на его выступлениях. Иные потом, как бы стыдились этих моментов экстаза, — нам, бывавшим в Германии иностранцам, не раз доводилось слышать этот недоуменный вопрос: «Да что же такое с нами, собственно происходило», — но слова из песни не выкинешь. Экстаз был, пусть на короткое время. Вот хоть на самом этом собрании, где не немца воли и беснования толпы могли не заразить, а лишь утешить и отвратить. И кто скажет нам, что происходило в душе каждого из этих не наци, каждого из этих наших «культурных друзей», когда его, в качестве крупного чиновника, или совсем мелкой сошки отправляли в Остланд, строить «на тысячелетия» величие фатерланда, строить на русских костях и на обломках русской культуры, обреченной на слом.

«Тысячелетнее строительство» провалилось, как бы то ни было... не по их вине. Раз оно провалилось, они, эти представители «другой Германии» будут через три месяца или через три года очень убедительно говорить, что нельзя же на целый народ возлагать ответственность за безумие нескольких извергов. Но позвольте на этот раз соблюдать осторожность.

Сейчас еще, когда война ими проиграна очевидно и совершенно безнадежно, зеленая немецкая молодежь все еще бьется с настоящим героизмом на подступах к Германии. (Не будем бояться слов — героизм не

перестает быть героизмом, от того, что он бесовский). Огнем и мечом свалить эту дьявольскую силу, — повторю, дело совсем нелегкое, потому и льется еще потоками русская кровь и без счета расходуется русский героизм. А потом — что делать потом, с этим 70-миллионным народом в центре Европы?

Дай Боже, чтобы была «другая» Германия. Но чтобы она была, ее надо еще сначала создать и это, вероятно, еще труднее последнего штурма последних военных позиций Гитлера. Во всяком случае, это дело нескольких десятилетий. Тем временем всем должно быть ясно, что третий раз это допущено не будет. Ясно с самого начала.

А мы здесь в Париже кричим ура или тихоньку переходим к очередным делам?

Для того, чтобы это не повторилось больше никогда, первое и необходимое условие — сильная Россия и всеобщее к ней уважение. Теперь нет даже надобности ссылаться на печальный опыт междоусобицы периода: его усвоили, кажется, все. И уважение к русской мощи, преклонение перед героизмом русского народа и перед его государственным гением теперь таковы, какими не были и в 1812 году.

Но необходимо все это закрепить надолго. Россия и впредь в сознании всех должна остаться «друзьям щитом, а недругам грозой».

И тут надо договаривать до конца. Русская победа загнала в щель исконное недоверие Европы к России — ко всякой России. Загнала, но не забила. В каких то щелях это недоверие сидит. Нам же и миру нужен до конца крепкий, до конца здоровый союз России с ее естественными друзьями на Западе. В частности, пока не завершилось перевоспитание Германии — дело первоочередной важности крепить франко-русский союз. Крепить во всех сферах и, так сказать, на всех этажах. Ибо малейшая трещина в нем, открывала бы путь к новой катастрофе.

Дело каждого русского поддерживать, во первых, честь русского имени. И друзья, и враги должны знать, что там, где дело идет о судьбе русского народа и созданного им государства (т. е. отныне федерации свободных народов, которую «сковала навеки великая Русь»), там само собой возникает единение всех русских (если только они не перестали быть русскими). Здесь во Франции, в дни оккупации и борьбы, каждый раз, когда встречались бежавшие из плена красноармейцы и русские эмигранты, они действительно оказывались друг другу родными, детьми одной великой страны, при том, без всяких деклараций и без умаления достоинства кого бы то ни было. Декларация

Доклад Н. А. Бердяева

Состоявшийся по почину русских писателей во Франции, доклад Н. А. Бердяева: «Русская и германская идеи» был событием в жизни русской колонии в Париже. Как имя докладчика, выступившего впервые после 4-летнего вынужденного молчания, так и тема его сообщения не могли не привлечь многочисленных слушателей: зал «Союза Патриотов» оказался тесным.

«Современные идеи, — говорит он, — не новы и не поверхностны. Перед нами происходит столкновение двух идей, двух мировоззрений: новая форма той борьбы, которая две тысячи лет тому назад противопоставила христианство античному языческому миру. С одной стороны, языческая, греко-римская идея, идея аристократическая, господствовавшая в «демократиях» древности, идея качественного подбора расы господ, попирающих слабых, живущих за их счет. С другой стороны, — идея библейская, раскрытая христианством, идея братства людей, жалости к слабым и униженным. С одной стороны, — обоготворение стихийно-космических сил, с другой

— утверждение безусловной ценности человеческой личности. С одной стороны — тоска по потерянному раю, по золотому веку богов и героев. С другой — мессианское устремление к грядущему дню, к преображению мира.

Первая из этих мировых идей представлена в нынешнее время наиболее ярко идеей германской. В германской душе элементы языческие вытеснили христианские идеалы. Германия философов и музыкантов, давшая столько ценностей мировой культуре, поглощена Германией милитаристической, утверждающей господство избранной расы Гитлеризм — не случайное и не наносное явление. Он готовился издавна. От Фихте и Гегеля к Розенбергу лежит прямой путь. И этот путь — тупик. Он ведет к одержимости темной судьбой, к пафосу героической гибели, к вагнеровским «Сумеркам богов», к упоению смертью.

Следует ряд цитат, одна другой разительнее. Вот одна, самая чудовищная из всех: «Нам нужно провозгласить войну, — пишет Клаус Вагнер, — которая будет про-

должаться столько же, сколько существование и эволюция на земле. Нам нужно провозгласить вечную войну. Песнь песней вечной войны, крик призыва к радости сильных, похоронный звук для слабых — будет звучать, как гром до последнего дня».

Идея германской противопоставлена русской идее. Ее истоки — в Ветхом Завете. Ягве — защитник бедных. В псалмах, в книгах пророков, как потом в Евангелии, звучит все тот же основной мотив: восстание против богатых и сильных. Сильные будут уничтожены. Первые да будут последними. Им проникнуты и свято-отеческие творения («Бог изначально не сделал, конечно, одних бедных, других богатыми», — говорит, например, Иоанн Златоуст, и... Бог дал ту же землю для владения всем... а это нечестие (социальное неравенство) может исчезнуть лишь после передачи всех благ в общее владение»). Это пафос братства людей и народов, прекращение войны, освобождение человека от власти природы. Им проникнуто русское православие, русское мессианское сознание, русское сознание исключительности своего призвания, выраженное иноком Филофеем в учении о Третьем Риме.

История русского мессианства сложна, и в

ней можно различать несколько этапов. В идеологии православного царства, идея мессианская слита с идеей государственной, имперской. Но с 17-го века, с начала кризиса русского религиозного сознания, основные мотивы нашей истории раздваиваются. Между религиозным и государственным сознанием нет больше единства. Идея мессианская становится идеей раскольничьей, революционной, протестующей против государства Левиафана, а иногда и против государства вообще. В отрицании государства бездушного, государства, олицетворяющего силу, а не правду, государства, утверждающего национальные и классовые эгоизмы, сходятся все лучшие представители русской мысли и русского искусства XIX века, — от славянофилов до западников, от Достоевского до Бакунина. Эта вера в русскую миссию, в ее свет с Востока, во всечеловеческое призвание русского народа принимает с конца прошлого века новый облик социального мессианизма. Вместо «Третьего Рима», — Третий интернационал. В понимании русского марксизма, Россия должна осуществить социальную правду в коммунизме, минуя капитализм, показав пример миру. Миссия России — не государственная и национальная, а вселенская, универсальная: мессианство пролетариата совпадает с мессианством русским, и именно

ции могут в дальнейшем лишь констатировать этот факт, всецело служащий к чести русского имени.

Дальше. Никакая официальная пропаганда, никакая пропаганда в узком значении слова вообще не может исчерпать проблемы отношений России и Запада. Именно потому, что мы не представляем официально никого, что мы вольные люди, в жилах которых течет русская кровь, именно потому, что никто не поручал и не мог поручать нам никакой пропаганды — именно поэтому мы можем и должны быть полезны и нашей родине и ее западным друзьям.

Нелепо начать нам сейчас говорить казенным языком. Уверять, что все русские и мы в том числе, идеологически теперь стали марксистами, — гиблое дело хотя бы уже потому, что в это никто не поверит. Поверить могут в то, что доказуемо фактами, — в наше отныне лояльное отношение к власти, которая возглавила Россию в этой страшной борьбе — делила с ней смертельную опасность и делит с ней неслыханную славу.

Жизнь государств и народов всегда многолика. После этой войны мир, и в частности Запад, и в частности Франция, должны научиться видеть всю многоликость нашей страны и нашей культуры при всем ее внутреннем единстве. Только тогда не окажется места вечно воскресающим клеветникам России.

Итак: больше трезвости и больше серьезности в нашем отношении к России и к нашему долгу перед ней. И мы можем сказать просто как русские в объяснение друзьям и на страх врагам:

За то, что она стяхнула с нашей страны

всякую кость,

За то, что она спаяла русское единство,

За то, что она пробудила в русском народе

жажду небывалого творчества,

За то, что она дала нам вместо Тинненберга — Сталинград,

За все это да будет благословенна революция.

С. Оболенский.

КАДИ

Общее собрание местной группы Защиты иммигрантов XI апп. будет иметь место в воскресенье, 14 января, в 9 час. 30 мин., в мэрии XI апп.

Для 5-го и 13-го апп. — в тот же день, и в то же время, в Баль о Флер, 58, бул. де л'Опиталь. На собраниях выступают представители французских и иммигрантских организаций.

это совпадение дает русской революции ее мировой размах.

Но революция, направленная сначала к уничтожению государства, не уничтожает государственной и национальной реальности. Осознав эту реальность, революционная власть крепит русское государство, продолжает дело Петра.

Однако, это новое государство несет социальную идею. Оно подчинено и обусловлено исканием социальной правды. Впервые со времени православного царства мотивы государственных и мессианских сочетаются.

Отсюда — мощь России и страх, который она внушает. Вся история довоенных лет определяется страхом перед Россией, а страх не доводит до добра. Двоенный мир находится в «жидком состоянии», стремление по-своему сочетать национальное и социальное начала, противопоставить русскому мессианизму иные, локальные, национально-ограниченные формулы, порождает фашизм и гитлеризм. Мировая война в основном (каковы бы ни были другие идеи и интересы, сталкивающиеся в ней), есть прежде всего, борьба двух идей: русской и германской.

— Что есть Германия? — спрашивает Н. А. Бердяев.

— Расизм, антисемитизм, порабощение

От Комитета Помощи сов. военнопленным

Комитет Помощи Советским Гражданам, освободившимся из немецкого плена, сообщает нижеследующий список художников, широко и горячо отзывавшихся пожертвованием своих картин в пользу бывших советских пленников.

Открытие выставки и продажа картин

Yves ALIX — dessin.
T. AUJEME — toile.
Emmanuel AURICESTÉ — sculpture.
ANNENKOFF — toile.
BURTIN — toile.
BOUMBEESTER Christine — dessin.
Brianchon — dessin.
Bersier — toile.
Bazaine René — dessin.
Belle Narcisse — toile.
Bertholomé St. André — toile.
Borès — toile.
Beaudin — toile.
Beauquier — dessin.
Charcheune Serge — toile.
Caillard — aquarelle.
Cechet — peinture.
Chastel — toile.
Dessoyer — peinture.
Dayez — toile.
Dechelette — peinture.
Deméla César — gouache.
Deyrelle — peinture.
Eckman Nicolas — dessin.
Fougeron — toile.
Fernandez — toile.
Fotinsky Serge — peinture.
Favory A. — aquarelle.
Georg Edouard — toile.
Gromaire Marcel — dessin.
Gischia — toile.
Goez — toile.
Grimme — peinture.
Gantcharova — peinture.
Grouber — toile.
Halicka — toile.
Hillaireau — toile.
Hajdu Etienne — marbre.
Khodassevich Nadia — peinture.
Kandinsky Vassili — peinture.
Laillard — peinture.
Leger — peinture.
Lhote André — gouache.
Lefranc — toile.
Leervenstein — peinture.
Lapique Charles — dessin.

будет производиться под высоким покровительством нач. военной советской миссии во Франции, ген.-майора артиллерии Драгуна, в галерее Рене Друан, 17, плас Вандом, Париж, в пятницу, 26-го января 1945 г.

Larionoff — peinture.
Labisse Felix — peinture.
Lipchitz Jacques — bronze.
Limouse — sculpture.
Laurens — peinture.
Manessier — peinture.
Marzelle — toile.

Marcoussu André — toile.
Marchand André — toile.
Matisse — dessin.
Picabia Francis — gouache.
Poiver — toile.
Pagava Véra — toile.
Prinner — sculpture.
Pignon — toile.
Pongny — peinture.
Picasso Pablo — toile.
Paris — toile.
Roux — toile.
Singier — toile.
Staël Nicolas — toile.
Scarbi — dessin.
Terechkovitch — toile.
Venitien J. — toile.
Villon Jacques — gouache.
Viellard Roger — burin.
Walsh — toile.

Дополнительные сведения появятся в следующем номере.

Славянское решение

(Начало см. на 3-й стр.).

ное государство) возрождавшийся польский патриотизм мог заостряться или в сторону несомненно польских Познани и Нижней Вислы, оставшихся в обладании Пруссии; или в сторону потерянных Польшей западно-русских областей.

Не будем вспоминать подробно, как в 1919-20 гг. Польша Пилсудского перешла через линию Керзона и что воследовало от этого для украинского и белорусского населения «кресов». Подведем только итог: непосредственно перед началом нынешней войны, политика колонизации «кресов» началась тем, что осадное положение стало на Западной Украине явлением почти перманентным. И как в XVIII-м веке, официальная Польша, боясь усиления своего восточного соседа, благосклонно склоняла ухо к соседу западному (порой становившемуся опять очень любезным, как первые прусские герцоги), и подумывала серьезно о том, что Черное море может быть действительно лучше Балтийского. Когда же западный сосед опять осканил зубы и стала явной необходимость военной поддержки с Востока, тогда заговорил страх: как вытеснить в Польшу русские войска, не получив от Москвы новой гарантии границы (гарантии, которую Москва морально не была в состоянии дать, в XX веке, как и в XVII-м).

За манию «великодержавников в направлении на Восток» бесчисленными, неслыханными жертвами заплатил польский на-

род. Но пусть эта польская кровь, смешавшаяся с кровью русской, утвердит навеки страшное для германизма братство «сарматских» народов. Пусть они размежуются там, где была их граница на заре их истории, и где до сих пор кончается польская речь и начинается речь восточно-славянская. И пусть белый орел обратит свой клюв против смертельного врага, неспящего ищущего искоренения польского народа (чего русский народ не искал никогда, даже в самые кровавые эпохи русско-польской борьбы).

Неуспешная на Востоке, польская колонизация уже до этой войны, вопреки всем усилиям немецкой демографической политики, переклещивала через государственные границы на территорию Рейха. В Восточной Пруссии (где густота населения была вдвое меньше, чем на Украине) пресловутый «народ без пространства» оставал пустые места, куда и внедрялся славянский, польский крестьянин. Этот процесс несомненно возобновится сам собой, раз польский народ уничтожить не удалось. Его нужно поддержать и ускорить. Сами немцы показали, как можно «перемещать» целые группы населения. И широкая полоса земель вдоль Балтийского моря, которую немцы за 700 лет не сумели по-настоящему заселить, может и должна быть возвращена Польше; из «резервата» прусского юнкерства, рассадника войны, эти земли превратятся тогда в страну мирных славянских земледельцев, ныне несравненно более живучих, несравненно быстрее плодящихся, чем уже вырождающийся германизм.

С—ный.

Театр и музыка

КОНЦЕРТ БОРШАРА

Известный пианист Боршар дает в воскресенье, 28 января, в большом зале Плейель, второй в сезоне концерт. Программа составлена исключительно из ноктюрнов и вальсов Шопена.

РУССКИЙ ТЕАТР

Ввиду запрещения префектурой директору театра «Мобель» сдавать свой театр для каких бы то ни было спектаклей, премьеры «На дне» переносится в другой театр. О дне и месте спектакля будет объявлено особо, когда и можно будет обменять взятые на премьеру билеты. Желющие же получить деньги обратно благоволят обратиться на 4, rue Galliera.

Поправка

В предыдущем номере «Русского Патриота», в статью «Права советских граждан», вкралась опечатка в цифре, которую мы считаем своей обязанностью исправить.

В 1939-1940 гг. не 20 т. вузевцев, конечно, посещали 750 высших учебных заведений, а 620 тысяч.

К. Елита-Вильковский.

всех народов новой мировой империей, выработка новой породы через подбор, стерилизация, применение к человеку методов скотоводства. Германская идея — глубоко-антихристианская и античеловеческая: она означает право силы и вечную войну.

Что несет Россия? — В новом облачении традиционное утверждение русской веры: мир и братство народов. Преодоление угнетения человеком человека. Нели России, по существу, пацифистические — только средства воинственные. Общество по образу духа, царство свободы она противопоставляет обществу, по образцу природы: царству силы.

Русские идеи — сверхнациональны. Русский национализм — сверхнационален. Наступает русский период мировой истории. Вся русская история есть лишь подготовка к нему. Это должна понять эмиграция. Она должна изменить свое отношение к Советской России и ее власти, не только потому, что русский народ ведет героическую борьбу за свою землю. Она должна признать, что Советская Россия есть Россия, она должна признать революцию, как русскую судьбу. Она должна признать, наконец, что война ведется за освобождение мира, что живой германской идее противопоставлена русская идея нового мира универсума.

— Нельзя преуменьшать, — замечает

Н. А. Бердяев, — успехи материального строительства России. Но дело не только в этом. Надо поклоняться правде, а не силе. Важно общее направление русского размаха. Важен самый смысл русского революционного процесса. Пусть сейчас размах социального переворота и материального строительства временно вытеснил творчество высшей духовной культуры. Это — только преходящее явление. После войны будет более всего необходима свобода духа и мысли. После войны предстоит радикальное, социальное переустройство мира, и нужно быть лишенным христианской совести, чтобы утверждать, что капитализм совместим с христианством. Каковы бы ни были материалистические формы коммунизма, он, по существу, более соответствует христианству, чем капитализм. Грядущее переустройство мира должно быть не только социальным, но и духовным. Лишь соединение социального движения с духовным может привести к явлению нового человека, который не может автоматически появиться из социальных изменений. В этом этапе русской революции эмиграция может послужить России, если только поймет, что не может играть политической роли, что ее призвание — культурное творчество.

PLEYEL

в воскресенье 28 января
в 14 час. 15 мин.

предв. прод. бил. открыта.

НОКТЮРНЫ И ВАЛЬСЫ ШОПЭНА В ИСПОЛН. ПИАНИСТА

BORCHARD

Суббота

20 января

в 20 час.

PLEYEL

Métro TERNES

**Второй концерт
РУССКОЙ МУЗЫКИ,
ПЕНИЯ И ТАНЦА**

БАЛАЛАЕЧНЫЙ ОРКЕСТР И ХОР (в усл. сост. 40 ч.) под упр. Г. ЧЕРНОЯРОВА
Е. А. САДОВЕНЬ (арт. Русск. Оперы), Б. АКИАРОВ, АШИН ХАН (в своем репер-
туаре), КОМИЧЕСКИЙ ХОР ТЕАТРА «МАСКИ» под упр. С. ГЛЕБОВА.
РУССКИЙ БАЛЕТНЫЙ АНСАМБЛЬ ИРИНЫ ГРЖЕБИНОЙ и БАЛЕТ ЕЛЬЦОВА.
Оставшиеся билеты у Плейель и у Дюрана (4, пл. Мадлен).

В виду того, что
многие, за недо-
статком мест, не
могли присутство-
вать на Рожде-
ственском кон-
церте.

Хроника Союза Р.П.**ОТ СЕКРЕТАРИАТА СОЮЗА**

Председатель правления Союза принимает ежедневно, кроме субботы и воскресенья, от 2 час. до 5 час. дня.

Генеральный секретарь Союза принимает ежедневно, в помещении Союза: 4, rue Galliera, кроме суббот и воскресений, от 14 до 16 часов.

Секретариат Союза просит всех лиц, записавшихся в Союз, но еще не заполнивших анкет, поспешить с выполнением этой формальности, без которой они не смогут получить членских карточек. Означенная просьба относится также и ко всем товарищам, работавшим в подполье, т. е. до освобождения Парижа от немцев, но не оформившим официально своего зачисления в Союз.

С 8-го января секретариат С. Р. П. приступает к выдаче членских билетов. Лица, полностью заполнившие анкеты с указанием поручителей, могут являться за получением членских билетов в приемные часы в помещении Союза с представлением двух фотографических карточек.

ОТДЕЛ ЛЕКЦИЙ И КУРСОВ

В среду, 17-го января, в помещении Союза, состоится лекция проф. М. Л. Гофмана на тему: «Русский народ — творец художественной культуры».

В пятницу, 19-го января, состоится свободный диспут на тему: «Интеллигенция и советский строй». Вступительное слово скажет С. И. Руденко. Запись ораторов — перед диспутом.

В среду 24-го января — лекция проф. С. С. Чахотина: «Создание нового человека — задача наших дней».

На очереди — лекция Н. Г. Захарова на тему: «Государственное и экономическое значение колхозов».

Начало лекций — в 20 час. 15 мин. Вход — свободный. На покрытие расходов — 5 фр. Безработные и учащиеся — 3 фр.

В понедельник, 25-го января, в 20 час. — собеседование для членов Союза, заполнивших анкеты по актуальным вопросам.

КЛУБ-ЧИТАЛЬНЯ С. Р. П.

В помещении Союза, 4 rue Galliera (метро Альма-Марсо) открыт клуб-читальня. При клубе — буфет.

БИБЛИОТЕКА

С 18-го декабря библиотека СРП открыта по понедельникам, средам и пятницам, от 16 до 19 час.

Испытывая острую нужду в средствах, библиотека обращается с горячим призывом к сочувствующим помочь ей, по мере возможности, будь то книгами, будь то деньгами.

Лица, имеющих на руках книги библиотеки Домбровского (Россиа), просят передать их библиотеке С. Р. П.

ШАХМАТНЫЙ КРУЖОК

При Союзе организуется шахматный кружок. Лица, интересующиеся этим вопросом, могут обращаться к секретарю Союза ежедневно от 3 час. дня до 5 час. вечера.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Заведующий музыкальным отделом принимает от 3 час. дня до 5 час. вечера по средам и пятницам, 40, rue Сэн-Дидье.

Союз Русских Патриотов устраивает в субботу, 20 января, музыкально-вокальный вечер. Танцы до 11 час.

КУРСЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Уроки английского языка для лиц, записавшихся в первоначальную группу, назначены по вторникам и пятницам в 19 час. 30 мин., в помещении Союза. Лица, не явившихся на первый урок, просят пожаловать во вторник, 16-го января, в 19 час. 15 минут.

СПОРТ

По всем вопросам спорта — обращаться к Н. А. Салгиреву в помещении Союза.

ДЕТСКИЙ КЛУБ

В четверг, 18 января, в 3 часа дня, на 40, rue Сэн-Дидье — игры и кино для детей. На покрытие расходов — 5 фр. Вход — свободный.

СРП в провинции**ОТДЕЛ
СОЮЗА РУССКИХ ПАТРИОТОВ
В ПРИМОРСКИХ АЛЬПАХ**

Постановлением правления С. Р. П. в Париже от 5 января 1945 г., существующий в Ницце Союз Русских Патриотов юга Франции признан отделом С. Р. П. во Франции.

Союз Русских Патриотов юга Франции — филиал Союза Русских Патриотов Франции помещается в Ницце, 41, бульвар Гамбетта. Прием новых членов и заседания комиссий — в «пермананс», кафе де Франс.

На этих днях состоится собрание, посвященное памяти Л. Н. Толстого. Вступительная речь Адамовича. Воспоминания Л. Л. Сабанеева о встречах с Толстым, «Крейцера соната», в исполнении Тамары Сабанеевой.

1-го января была устроена елка для детей. Присутствовало более 50-ти детей, а также их родители. Была детская программа, и во время исполнения особенно отличился мальчик Репников, протанцовавший лихо «русскую» в казачьей форме.

Елку посетил президент «Союза освобождения» со своими сотрудниками, а также представитель «Фрон Насиональ». Президент Брюнэ произнес речь, блестящую по форме и содержанию, благодарил русских

Женский отдел

Комитет русских женщин-патриотов, объединившийся на общем собрании со всеми другими иностранными женскими национальными объединениями, которых насчитывается во Франции в данное время однанадцать, выбрал из своей среды представительницу на конгресс К. А. Д. И.

Конгресс этот собирается 25 января в Париже и является событием исключительной важности для всех эмигрантов.

Конгресс осветит положение эмигрантов многих европейских стран, давно живущих во Франции. Конгресс подчеркнет справедливость их требований, их физический, интеллектуальный и духовный вклад в культурно-созидательную работу страны.

В плане работы для конгресса, каждое женское национальное объединение делает следующее:

1. Собирает сведения обо всех, так или иначе принявших участие в борьбе с немцами, о сосланных, о расстрелянных, о погибших в тюрьмах и лагерях.

2. Собирает сведения о случаях вопиющей несправедливости ограничений труда, вида на жительство, социальной помощи.

3. Собирает сведения о всех, работавших творчески в жизни страны и способствовавших ее культурному процветанию.

4. Собирает пожертвования вещами для устройства грандиозной томбола в пользу нужд конгресса.

5. Принимает участие в устройстве буфета на балу.

6. Распространяет пригласительные билеты.

Во всей этой работе женских объединений принимает самое горячее участие и наш Женский комитет.

Вот почему я обращаюсь ко всем русским женщинам Парижа и окрестных городов, куда доходит русская газета, к женщинам активным, живым, горящим творческим порывом, объединиться для этой большой двухнедельной работы и, учитывая ее план и особенно ее цели, сделать все, что будет в силах каждой, будет ли это распространение билетов на гала, которое, кстати сказать, является парадом национального фольклора всех участвующих стран, самое скромное пожертвование вещами или личное участие в празднике.

Председательница Женского отдела.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Женский комитет устраивает в среду, 17 января, в 7 час. 30 мин. вечера, общее собрание. Порядок дня: «Наша текущая работа». Женский комитет просит всех дам, желающих серьезно и организованно работать для общества, пожаловать к назначенному часу: 40, rue Сэн-Дидье.

В Женский комитет поступила просьба от русских Ф. Ф. И., находящихся в лагере Куломье, к русским женщинам принять участие в их судьбе. В этом лагере есть много иностранных добровольцев, которые регулярно получают письма и посылки от своих крестных матерей-соотечественниц, и только русские, которые добровольно пошли в армию во имя ближайшего освобождения от войны и мира для всех, крестных матерей не имеют.

Всех, желающих установить связь с этим отрядом, в котором есть до 30-ти человек совершенно одиночек, просят обращаться в Женский отдел, где имеются адрес и список лиц, ожидающих доброго женского внимания.

Женский отдел на 40, rue Сэн-Дидье является центром по сбору книг для боль-

патриотов за их деятельность и провозглашил тост за великий русский народ и марш Сталина. Был сервирован стол, и дружеская беседа с представителями французского общества прошла очень оживленно. Дети были накормлены, получили много удовольствия, подарки, и счастливые разошлись по домам. Правление отдела считает своим долгом поблагодарить председателя организационной комиссии Н. В. Попова за прекрасную организацию, представительницу Дамского комитета Т. Г. Сабанееву, а также всех участников концерта. Правление также благодарит генерала Гудо, председателя французского комитета помощи, который предоставил для детей много сладостей.

ных, часто обреченных на смерть, в лазаретах, отдаленных от Парижа: эти больные — русские, военнопленные или насильно вывезенные из России, и книги для них, находящиеся вне наших визитов, — единственная радость

Женский отдел обращается с просьбой ко всем, знающим имена больных советских пленных, находящихся в госпиталях, сообщить эти имена и точное местонахождение, а также помочь жертвованием продуктов и одежды для распределения между больными.

Прием в часы дежурств, от 3 до 5 час. дня, на 40, rue Сэн-Дидье, ежедневно, кроме суббот и воскресений.

СОЮЗ РУССКИХ ПАТРИОТОВ

Устраивает в воскресенье 14 января ровно в 6 час. вечера

Танцевальный вечер

ХОРОШИЙ ОРКЕСТР. БУФЕТ.

CHAMPRO51, r. des Ecoles
DAN. 85-09

M-o Odéon et St-Michel

КАБАРЭ QUARTIER LATIN

Лучшая программа до 2 час. утра.

ОЧКИ -- НИКИТИН

Русский дипл. оптик. — 38, Bd Batignolles
Métro: Place Clichy-Villiers.

**РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
и КНИГОТОРГОВЛЯ****„ДОМ КНИГИ“**

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, rue de l'Ereton, Paris (6).

Календари на 1945 г. 50 фр. и 15 фр.
Маклаков. «1-ая Г. Дума» (Восп.) 150 фр.
Эренбург. «Рвач», ром. 105 фр.
Чижевский. «Гегель в России» 140 фр.
Слоним. «Портреты сов. писат.» 70 фр.
Алданов. «Десятая симфония», р. 84 фр.
Слиозберг. «Древ. строй России» 140 фр.
Вячеслав Иванов. «Человек» 42 фр.

Совет. и заруб. изд. Книги по всем отраслям знаний. Словари и учебн. иностр. яз. для русских. Книги о России на франц. языке. Детск. книги. Учебн. для русских школ. Книги по русск. искусству. Магазины открыты ежедн. от 9 до 19 ч. Тел. Danton 10-60.

Сиротку русского мальчика от 3-7 лет
возьмем усыновить. Писать З. Калинин,
rue de Bois N° 6-8. Gliberville (Calvados)

Требуются опытные рисовальщики-цы для
работ по материи а также опытные ОБ-
ВОДЧИКИ и ОБВОДЧИЦЫ. Обращаться.
12, rue du Havre, Maison JEANNE HELENE.

УРОКИ МУЗЫКИ (рояль), фр. яз., мат.
рус. яз., все предм. Оп. препод. (Моск.
кон. М. В. Ж. К. Сорб.) М-me Vologdine.
211, rue Convention Tél.: VA 17-05.

КАЛЕНДАРИ, самоуч. англ. яз., словари в
библиотеке ОФЕНЯ. 8, rue Boucicaut (yr. Sarasate
Paris (15°) Métro Boucicaut.

Откр. 4.30 - 6.30 ч. (кроме воскр. и пон.)

ИЩЕМ раб. по хоз. garde-mal, с лет.
Писать: 38, r. Boileau, Paris (16). Mme MARIVANE.

ОБИВКА и починка мебели. Пружины, чех-
лы, занавеси. Установки.
Mr. MICHEL. Tél.: MOL. 58-13.

Le Gérant provisoire Vénitien

Travail exécuté par des ouvriers syndiqués

Imprimerie S. P. I. 4, Rue Saulnier - PARIS 9

POISSON d'OR**РЕСТОРАН**

24, Rue Vavin (VI°)

Tél.: ODE 90-95

ОТКРЫТ все дни (кроме понедельников)
ЦЫГАНСКИЙ ОРКЕСТР Iosko ARVAY.

от 7 ч. веч. до 2-х ч. утра.
Больш. артистическая программа.